

ЧТО ТАКОЕ СТАБИЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО?

*В обсуждении приняли участие доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета **Вал.А.Луков**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАО **Л.П.Буева**. Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор **П.С.Гуревич**.*

Гуревич П. В те времена, когда Карл Великий носил корону императора Запада, на восточной окраине Европы, между Кавказом и Волгой, властвовало иудейское государство, известное как Хазарская империя. На пике своего могущества, с VII по X век нашей эры, она играла важную роль в судьбах средневековой Европы. Византийский император Константин Багрянородный, должно быть, хорошо знал положение дел, когда отметил в «Книге о церемониях византийского двора», что послания римскому папе и императору Запада несут золотую печать достоинством в два солида, тогда как печать на посланиях правителю хазар должна быть в три солида.

Страна хазар, народа тюркского происхождения, занимала стратегическое положение между Черным и Каспийским морями, где в те времена сталкивались интересы крупнейших восточных держав. Она играла роль буфера, защищающего Византию от вторжений сильных варварских племен из северных степей — болгар, венгров, печенегов и др., а позднее викингов и русских. Однако более важен, с точки зрения византийской дипломатии и европейской истории, тот факт, что хазарские армии реально воспрепятствовали арабскому нашествию на раннем, самом разрушительном этапе, и тем самым помешали арабскому завоеванию Восточной Европы. Английский писатель и философ Артур Кёстлер написал об этом этносе историческое исследование — «Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие».

Казалось, империя хазар вечна. Но она исчезла. Гибель империй не новость для истории. Исчезла с карты мира Римская империя. Рождение Иисуса Христа в Вифлееме, а не в Риме, зафиксировало начало конца великой империи. XV век принес крушение Византии. В XVI веке прекратили существование империи Мезоамерики. Век спустя закончила на плахе царица морей — всемогущая монархия Стюартов. В XVIII веке гильотина революции опустила на великую абсолютистскую Францию. В то время завершилась борьба американских колоний — начался распад Британской колониальной системы. В XIX веке стала разваливаться Французская империя, начался разрыв в цепи арабских халифатов. В XX веке погибли Османская, Австро-Венгерская и Германская империи.

«Империя строилась триста лет и рухнула в триста дней!» — Редьярд Киплинг произносит эту фразу вовсе не о Британской империи. Он обозначает общую тенденцию.

Я начал с Хазарской империи, финал которой необычен. Она не распалась, а просто стерлась, сгинула. Контуры ее медленно погружались во тьму прошлого, демонстрируя свойства особой мистификации, когда-либо придуманной Историей.

Итак, империи, как и культуры, рождаются, живут и умирают. Хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Какое общество можно считать стабильным?

2. Что скрепляет общество и обеспечивает ему стабильность — экономическое благоденствие, духовность, национальная идея, нравственная высота?

3. Оправдано ли стремление нынешней власти утвердить сохранение стабильности как главной задачи России или это ведет к застою?

4. Как обеспечить модернизационный рывок страны и в то же время не вызвать разлад в обществе?

1. Какое общество можно считать стабильным?

Луков В. На поверхности вопрос кажется простым. Стабильно то общество, которое не знает крупных перемен. Так говорит нам здравый смысл. Точнее, говорил, ибо сегодня это совершенно неприемлемое понимание, когда речь идет об анализе реалий нынешней политической, экономической, культурной жизни времен глобализации, т.е. времен, заряженных процессом социальных изменений. Но надо сказать, что абстрактное связывание стабильности и отсутствия перемен легко можно подтвердить событиями далекого и недалекого прошлого. Вот один из них. Когда русский император Александр II своим указом, которому скоро исполняется 150 лет, освободил 13 млн. крестьян от крепостной зависимости, он никак не мог предположить, что это давно ожидаемое мыслящей Россией событие даст толчок к народным движениям, недовольству самодержавием в самых разных слоях общества, расцвету нигилизма в университетах и, наконец, убийству самого царя-освободителя. Это лишь один из многочисленных примеров того, как даже самые прогрессивные изменения в установившемся веками порядке коллективной жизни подрывают социальную стабильность.

Буева Л. Нам не дано предугадать, на что и как откликается история. Но есть одно давнее наблюдение социальных философов: общественные сдвиги начинаются в такой форме и с такой глубиной, что этого никто не ожидает.

Луков В. В социальной философии издавна стабильным считалось общество, которое подчиняется традиции. Египетские пирамиды, памятники живого труда, веками несли ощущение остановившегося времени. Освальд Шпенглер был уверен в том, что темп ранней индийской, вавилонской и египетской истории был действительно более медленным, чем темп нашего ближайшего прошлого. Традиция формировала групповой опыт поколений. Именно она и определяла стабильную систему общепризнанных нормативных ценностей. Стабильность как устойчивость традиций в таком случае вполне

сочетается с определенной мобильностью, но она, эта мобильность, по своему характеру циклична, ведет общество по кругу, и этот «бег на месте» не заметен главным образом потому, что бесконечно идет смена поколений, и каждое новое поколение осваивает традицию, оживляет ее.

Гуревич П. Действительно, традиция, судя по всему, в большей степени содействует стойкости общества, нежели, допустим, харизма или социальная наука. Я имею в виду отмеченные Вебером типы социального управления. Многие философы, в том числе Гердер, Шпенглер, Данилевский, Соловьев, раскрывали эту роль традиции. Они отмечали, что обычаи, обряды, нормы поведения служат важнейшим консолидирующим фактором общества. Именно поэтому британский философ и социолог Карл Поппер стремился показать, что традиции могут служить своего рода связующим звеном, посредником между индивидами и институтами. Традиция знала ответы на главные человеческие вопросы. Ее нормативный код позволял ей выстоять в борьбе со временем.

Буева Л. Суть традиции, на мой взгляд, не в том, что она противостоит переменам. Она выражает некие неизменные, универсальные константы человеческой жизни. Мы можем обнаружить ее во всех культурах и во всех социумах. В известном контексте слова «традиция» и «стабильность» — синонимы.

Луков В. О том, что такое стабильность, лучше всего сказал, вероятно, известный министр-реформатор древнекитайского царства Цинь легист Шан Ян. Его формула: «слабый народ — сильное государство». Именно он заложил основы двухтысячелетней китайской империи. Получалось, что государство способно противостоять влиянию авторитетных аристократов, вносящих разноречивую в жизнь общества. Опыт современных демократий показывает, что в служении государству есть немалый резон. Либеральная идеология, создающая культ индивида, подверглась в наши дни резкой критике. В США становятся популярными обсуждения альтернатив либерализму. Президент Франции Николя Саркози, пришедший в большую политику как «рыцарь либерализма», в последние годы многократно заявлял, что чистый либерализм никогда не пользовался во Франции высоким спросом и что безграничный капитализм более невозможен, а мировой финансовый кризис доказал утопичность идей «либерализма в чистом виде» и «свободного рынка». Все это важные свидетельства перемен в умо-настроениях целых наций. Русскому миру либеральная идея никогда не была близка именно как идея связывания общества в нечто целое.

Буева Л. Не зря Пушкин в свое время негативно оценил американскую демократию. Мы, говорил он, «с изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве». Америка, по его же словам, «спокойно совершает свое поприще, донныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями».

Гуревич П. Звучит современно. Пушкин в «Борисе Годунове» показал народ в его реальном историческом бытовании. Он терпеливый и крутой, трезвый и фанатичный, прозорливый и невежественный, смысленный и тупой. Уважение к

власти — неоспоримый фактор общественного спокойствия. В восточных деспотиях индивид, естественно, не рассматривался как ценность. Напротив, всякая уникальность, непохожесть человека оценивается как помеха. Она противостоит общему строю восточной культуры, призванной сохранять безличные абсолюты, идет ли речь о верховном начале бытия, природе или конфуцианском понимании общества как неприкосновенной ценности. Человек — это лишь материал, который помогает приобщиться к высшим, внеличным целям.

Буева Л. Опыт китайского отношения к традиции сам по себе уникален. Но и в других странах Востока, например, в Индии, Японии, Корее, к накопленному социальному опыту, закрепленному в традиции, всегда относились с огромным тщанием и благоговением. Можно ли полагать, что культ традиции связан с поиском социальной стабильности, устойчивости, гармоничности разных пластов общественного устройства? Разумеется, концепция Шан Яна отличается от конфуцианской. Китайские правители разных эпох брали на вооружение то одну версию традиции, то другую ее оценку.

Луков В. Но ведь и в европейской философии и Сократ, и Платон, и Аристотель, если коснуться первоначального этапа осмысления стабильного общества, размышляли о том, как гармонизировать общественные связи, обеспечить их баланс во имя устойчивости. Разве платоновская модель идеального государства не является своеобразным ответом на вопрос, какое общество можно считать стабильным? Речь ведь идет не только о неизменной социальной структуре социума. Она, эта структура, осмысливается Платоном как соответствие, с одной стороны, космическому порядку, а с другой — как органической целостности, присущей человеческой душе. Три начала души — разумное, аффективное, вожделеющее — точно так же присущи и структуре общества (с его трехсоставной классовой основой), но их гармонию необходимо поддерживать всей системой управления государством.

Буева Л. Мне кажется, что Платон пытался найти идею стабильности в человеческой природе. Если построить общество в соответствии со структурой души, оно, по Платону, будет незыблемым.

Луков В. Но все равно не обойтись без «стражей». И, в первую очередь — через воспитание новых поколений «стражей» — класса, на котором держится устойчивость и безопасность общественного целого. За этим усиленным вниманием к вопросам воспитания и поддержания нравственности проглядывает обеспокоенность античных мыслителей общественными переменами, которые могут поколебать устои социальной жизни. Можно на современный лад сказать, что здесь затрагивается идея общества, которое утрачивает устойчивость в результате исторического преобразования, развития. Видимо, социальная динамика и стабильность несовместимы. Пожалуй, и Платон в «Государстве», и Аристотель в «Афинской политике», по сути дела, выразили сомнение в том, что стабильное общество достижимо в принципе без принудительного поддержания такой стабильности.

Гуревич П. Пожалуй. Недаром Платон «реализовал» эту идею в

виртуальном мире Атлантиды. И «Город Солнца» Т. Кампанеллы и «Новая Атлантида» Ф. Бэкона пронизаны мыслью о том, что реальная стабильность возможна и в обычной истории. Так же, как, вероятно, и в Китае, мы не найдем в европейской философии однозначной оценки традиции. К примеру, эпоха Возрождения пронизана идеей создания новой истории. По сути дела, речь идет о начале настоящего исторического времени. Но в то же время внимание мыслителей привлекает античная традиция с ее жизненным пафосом и отношением к человеческому бытию.

Буева Л. Но и в Новое время, которое дышало пафосом перемен, отношение к прошлому, к традиции нередко было предметом философской рефлексии. Вспомним хотя бы во многом курьезную, по нынешним оценкам, работу Фрэнсиса Бэкона «О мудрости древних». Философ, кстати, склонен думать, что весьма многим мифам, которые созданы древнейшими поэтами, присущ некий тайный и аллегорический смысл. Обращаясь к законам культуры, развития общества, такие авторы, как Мишель Монтень, Томас Гоббс, Джон Локк, уделяли должное внимание и истории морали, права, религии, их традиционным аспектам. В Новое время французский аббат Сен-Пьер разработал «Проект установления вечного мира в Европе», в котором предлагал европейским государствам заключить великий союз, решить все дела миром. Его идеи высоко ценил Жан-Жак Руссо. Он писал: «Создайте Европейскую республику на один только день — этого достаточно, чтобы она существовала вечно. Каждый на опыте увидел бы выгоду в общем благе».

Гуревич П. Мне кажется, что осознание огромной роли традиции в укреплении социальной стабильности началось в Европе с работ Джамбаттисты Вико и Иоганна Гердера. Здесь возникает, может быть, впервые в европейской философии, понимание прошлого через призму исторического развития человека. Гердер называет традицией благоприобретенный социальный опыт, он настаивает на принципе историзма, но он же осознает противоборство традиции с новым видением истории, захваченным уже прогрессистским умонастроением.

Буева Л. Более углубленному пониманию традиции содействовало в XIX веке развитие этнографии, социологии. Да ведь и у Карла Маркса немало говорится об обычаях, исторической преемственности.

Луков В. Это так. Ведь именно Кант, судя по всему, первым пришел к убеждению, что идею стабильности нельзя рассматривать как утопическую. Напротив, она выражает историческую необходимость и сводится к тому, чтобы устранить социальные катастрофы и свести к минимуму последствия природных катаклизмов. Такова социальная позиция Канта. Она оказалась вполне сродни размышлениям, опирающимся на анализ действительности последних десятилетий XX века и первого десятилетия XXI века.

Гуревич П. Будем исходить из посылки, что одна из неоспоримых и вечных проблем социальной философии — как обеспечить развитие и не утратить обретенную стабильность? Аристотель даже формулировал мысль о том, что угроза распада общества в известной степени полезна, желанна, ведь, вызывая страх, она побуждает к лояльности, к приверженности

существующему государственному строю.

Луков В. Стабильность выступает как своего рода рамка и сознательных, и спонтанных действий, которую переходить нельзя при всем желании человека к свободе своих мыслей и действий. Отсюда требование верности закону, даже своеобразный культ его, убежденность в его значимости для стабилизации общественного устройства. Интересно, что в поисках прочной социальной организации античные мыслители ориентировались на природу. Вообще говоря, идея стабильности в социальную философию пришла из естествознания, из понимания покоя как особого состояния движения, когда качества предмета не меняются. Собственно, это и есть стабильность. При этом стабильность целого может сочетаться с динамичными изменениями частей, но такими, которые не покушаются на преобразование целого. В обществе это особенно очевидно, и не случайно в символике социального порядка такую роль во многих культурах играет неподвижное сидение лица, олицетворяющего высшую власть.

В одной из китайских притч хорошо показано противостояние движения неподвижности как особого свойства, принадлежащего избранным. Один император, объезжая по делам свои владения, много раз видел юношу, неподвижно сидящего под деревом в одной и той же позе. Император все же однажды нарушил покой юноши и так молвил ему: «Твое безмолвное сидение напомнило мне историю Будды, и я полюбил твою тишину и твою безмятежность». Император пригласил юношу к себе во дворец, пообещав окружить его заботой. Юноша встал и ответил: «Пойдем». И этим своим быстрым движением смутил императора: ореол святости сразу пропал. Дальше в притче история приобретает новый оборот, но он для нашего разговора неважен.

Буева Л. Позволю себе привести пример из более близкой истории. Писательница Ванда Василевская в одном из романов показывала, что в панской Польше считалось неприличным ходить быстро. Если твой социальный статус высок, неизменен, то зачем ускорять движение?

Луков В. Да, неплохо. Знаковость неподвижности правителя в официальных церемониях как свидетельства устойчивости его власти требовала особой тренировки, особых одеяний, скрадывающих движения, особых символических предметов, которые попросту занимали руки (как скипетр и держава у русских царей). И дело не только в требованиях ритуала, но и в убежденности, что именно стабильность нужна стране, народу, государству как неперемное условие «хорошей жизни». Это и сохранила как своего рода архетип социальная философия, даже когда динамичные перемены не только в частях, но и в целом стали неизбежны.

Гуревич П. Все это так. Тем не менее, меня не покидает ощущение, что социальная философия сталкивается сегодня с такими проблемами, которые не возникали в истории человеческой мысли. Посещала ли Н.Макиавелли мысль о том, что в условиях тотального противоборства государств именно маленькая страна будет в состоянии оказывать сильное влияние на мировую политику? Способен ли был кто-нибудь из европейских мыслителей догадаться, что в наш

век Китай, для них символ патриархальности, будет претендовать на положение первой мировой державы? Мог ли, к примеру, Кант предвидеть, что народ современной державы станет осуждать правителя, но получать в результате массового голосования совершенно противоположный результат? Предполагали ли Гегель, что в отдельно взятой европейской стране избранный президент на другой день после окончания подсчетов голосов начнет сажать в тюрьму других соискателей этого же поста?

Луков В. Но ведь это не парадоксально, что представления о стабильности общества менялись. Гегелю было сподручно рассуждать об идеальности конституционной монархии в условиях относительно мирного развития европейского общества.

Гуревич П. Но человечество не стояло на месте. Менялись орудия труда, средства сообщения. Колесо, плуг, судно, станок... Неторопливо крутились жернова мельницы. Медленно плыли каравеллы по просторам еще не освоенных морей. Сначала ветер ударил в паруса. Затем стремительно завертели лопасти паровой машины. Бешено нарастала скорость. Побежали металлические рельсы. Звук помчался по проводам. Без проводов... Самолет облетел земной шар. Ракета ушла в космические дали. Планету опоясали информационные нити. Менялись и преображались политические режимы. Возникали новые формы человеческого общежития. Рождалась идея гражданского общества. Человечество прошло через опыт тоталитарных режимов.

Луков В. Вы, Павел Семенович, точно сказали: человечество прошло через опыт тоталитаризма, это, в известном смысле, общепланетарное явление, если иметь в виду сменяющиеся фазы общественной организации жизни *homo sapiens*, а не только фрагмент российской истории, особо рьяно осуждаемый сегодня. Кстати, нередко теми, кто немало в свое время сделал для утверждения тоталитаризма в общественном сознании. Формы демократических и тоталитарных режимов в определенных условиях стремительно сменяют друг друга, как будто обмениваются энергией социетальных (т.е. в масштабах общества как целого) взаимодействий. В этой связи позволю себе заметить, что попытки объяснить тоталитаризм свойствами некоторых личностей или партий неубедительны. Абсолютная монархия XVI-XVII веков характеризовала не одну, а многие страны Европы. Точно так же черты тоталитарных режимов в XX веке обнаруживаются не только в СССР или Германии, но и в США, сколько бы ни говорили о свойственных Америке гражданском обществе, правовом государстве или «подлинной» демократии.

Буева Л. Ведь это Теодор Адорно, завершая свое исследование о немецком общественном сознании Германии, пришел к выводу, что тоталитарное мышление едва не укоренилось и в Америке. Лишь некоторые демократические механизмы не позволили этому случиться.

Луков В. Иными словами, тоталитарные черты закономерно появляются в обществе на определенной фазе его развития, хотя могут и различаться по формам своего проявления. Иногда эти различия затушевывают существо вопроса. Интересно отмечать, например, что «круговорот элит», раскрытый

Вильфредо Парето через образы смены власти «львов» и «лисиц», в литературе по политологии обычно представляется в рамках демократического процесса. А ведь это образы, почерпнутые Парето из «Государя» Макиавелли, где они включены в атрибуцию диктаторского типа правления. Да и Парето, поддержавший Муссолини и согласившийся стать сенатором в момент, когда итальянский фашизм оказался у власти, не под демократию конструировал теорию круговорота элит. Этим, среди прочего, подтверждается относительная независимость политических форм от политических содержаний и их (-форм) приспособляемость даже к альтернативным трансформациям общественного устройства. Возможно, именно в этом заключена многозначность известного китайского предупреждения о гибельности «эпохи перемен».

Буева Л. Да, кстати, хорошо ли жить в эпоху перемен?

Луков В. Недавно в Интернете я наткнулся на сайт, где некая «девушка, живущая в Сети», занимательно высказалась по этому поводу: «Я раньше искренне считала стра-а-ашным старинное китайское проклятие «Чтоб тебе жить в эпоху перемен»... А с некоторых пор считаю, что это не проклятие. Это пожелание. Конечно, не для всех, но для инициативных, энергичных современных людей — да!». Вот такое пожелание-предупреждение. Хорошо ли жить в эпоху перемен? Действительно ли это проклятие? Как ответить на эти вопросы с точки зрения вектора истории, с позиции благополучия человеческой жизни? Западный мир, захваченный революционным неврозом, может быть, не согласится с цитированным китайским суждением или перевернет его, как «девушка, живущая в Сети». Но не секрет, что многие европейские мыслители считают, что отход от традиционного общества следует оценить лишь как регресс, как нисхождение, а не как прогресс. Они пишут о том, что мировая история представляет собой последовательное нисхождение человечества от золотого века к такому, который Гесиод назвал железным. Аналогом ему является темный век в индуистском учении, который можно охарактеризовать как переход в свободное, хаотичное состояние материальных, психических и духовных сил. Юлиус Эвола указывает, что эпицентром подобного развития событий стало западное общество, от которого началось стремительное расползание кризиса по всей планете. Рене Генон также говорит о возвращении истинных смыслов, которые утрачены нестабильным западным обществом. Нестабильность — неотвратимая плата за усложнение общественной жизни.

Гуревич П. При этом и Эвола, и Генон подчеркивают, что мир традиции, несмотря на все разнообразие своих исторических форм, отличается своим сущностным тождеством или неизменностью. Отступление от традиции чревато ухудшением духовного качества жизни, нарастанием катаклизмов, отказом от священных норм, провалом в хаос и беспорядок. При рассмотрении темы стабильности общества мы, вероятно, не можем игнорировать этот пласт философской рефлексии. Тем более, что он становится особенно популярным в наши дни. Социальная критика утверждает, что без возвращения к традиции, без возрождения ее основ современная цивилизация обречена на бесконечные конфликты, войны и хаотическое разложение.

Луков В. Здесь важно уточнить, что такое общество — некая

мистическая целостность или социальный агрегат. Многие философы, чтобы показать, что общество является не просто сложным механизмом, объединяющим разные стороны жизни людей, а целостным образованием, сравнивают общество с организмом. Сравнение такого рода можно встретить у Платона, Аристотеля, Гоббса, Руссо, Конта, Спенсера. У Спенсера, например, одна из глав «Оснований социологии» так прямо и называется «Общество есть организм». Он обозначает ряд сходств между биологическими и социальными организмами и, прежде всего, то, что и те, и другие способны и стремятся расти, увеличиваются в объеме. Но все же аналогия здесь неполная, поскольку в биологическом организме, как говорил Спенсер, части образуют конкретное целое, в социальном — возникающее целое дискретно, т.е. элементы свободны и рассеяны и не существуют ради целого (напротив, целое существует ради таких элементов — попросту людей), а, кроме того, в биологическом организме способность чувствовать и мыслить сосредоточена лишь в каких-то частях целого (в голове), в то время как в обществе все элементы имеют свою голову, так сказать, и способны чувствовать примерно одинаково. Можно, конечно, относиться к такому сравнению, как к метафоре, но такой, которая имеет несомненные эвристические резоны.

Буева Л. Известно, что Бердяев подробно рассматривал эту оппозицию — организм и организация. Организм рождается из природной космической жизни, и он сам рождает. Признак рождения есть признак организма. Организм не есть агрегат, он не составляется из частей, он целостен и целостным с точки зрения вектора истории, с позиции благополучия человеческой жизни? Западный мир, захваченный революционным неврозом, может быть, не согласится с цитированным китайским суждением или перевернет его, как «девушка, живущая в Сети». Но не секрет, что многие европейские мыслители считают, что отход от традиционного общества следует оценить лишь как регресс, как нисхождение, а не как прогресс. Они пишут о том, что мировая история представляет собой последовательное нисхождение человечества от золотого века к такому, который Гесиод назвал железным. Аналогом ему является темный век в индуистском учении, который можно охарактеризовать как переход в свободное, хаотичное состояние материальных, психических и духовных сил. Юлиус Эвола указывает, что эпицентром подобного развития событий стало западное общество, от которого началось стремительное расползание кризиса по всей планете. Рене Генон также говорит о возвращении истинных смыслов, которые утрачены нестабильным западным обществом. Нестабильность — неотвратимая плата за усложнение общественной жизни.

Гуревич П. При этом и Эвола, и Генон подчеркивают, что мир традиции, несмотря на все разнообразие своих исторических форм, отличается своим сущностным тождеством или неизменностью. Отступление от традиции чревато ухудшением духовного качества жизни, нарастанием катаклизмов, отказом от священных норм, провалом в хаос и беспорядок. При рассмотрении темы стабильности общества мы, вероятно, не можем игнорировать этот пласт философской рефлексии. Тем более, что он становится особенно популярным в наши дни. Социальная критика утверждает, что без возвращения к традиции,

без возрождения ее основ современная цивилизация обречена на бесконечные конфликты, войны и хаотическое разложение.

Луков В. Здесь важно уточнить, что такое общество — некая мистическая целостность или социальный агрегат. Многие философы, чтобы показать, что общество является не просто сложным механизмом, объединяющим разные стороны жизни людей, а целостным образованием, сравнивают общество с организмом. Сравнение такого рода можно встретить у Платона, Аристотеля, Гоббса, Руссо, Конта, Спенсера. У Спенсера, например, одна из глав «Оснований социологии» так прямо и называется «Общество есть организм». Он обозначает ряд сходств между биологическими и социальными организмами и, прежде всего, то, что и те, и другие способны и стремятся расти, увеличиваются в объеме. Но все же аналогия здесь неполная, поскольку в биологическом организме, как говорил Спенсер, части образуют конкретное целое, в социальном — возникающее целое дискретно, т.е. элементы свободны и рассеяны и не существуют ради целого (напротив, целое существует ради таких элементов — попросту людей), а, кроме того, в биологическом организме способность чувствовать и мыслить сосредоточена лишь в каких-то частях целого (в голове), в то время как в обществе все элементы имеют свою голову, так сказать, и способны чувствовать примерно одинаково. Можно, конечно, относиться к такому сравнению, как к метафоре, но такой, которая имеет несомненные эвристические резоны.

Буева Л. Известно, что Бердяев подробно рассматривал эту оппозицию — организм и организация. Организм рождается из природной космической жизни, и он сам рождает. Признак рождения есть признак организма. Организм не есть агрегат, он не составляется из частей, он целостен и целостным рождается, в нем целое предшествует частям и присутствует в каждой части. Организм растет и развивается. В организме есть целесообразность, имманентно ему присущая.

Луков В. Еще интереснее то, что понимание общества как организма стало одним из постулатов «Логической социологии» А.Зиновьева, т.е. спустя больше века в совершенно иных условиях жизни и на совершенно другом уровне развития науки органицизм возрождается как самая современная теория общества.

Гуревич П. Отдельные элементы общества обладают относительной самостоятельностью, но они действуют согласованно и управляются единым принципом. Но современная социальная практика показывает, что отдельные социумы утрачивают необходимую соразмерность. Сводится до минимума, к примеру, духовная сфера общества, но при этом технический прогресс принимает облик флюса. Политика способна проникнуть во все сферы общественной жизни, создавая феномен тотальной политизации. Религиозный фундаментализм видит свою миссию в том, чтобы до предела обуздать светские формы общественной жизни.

2. Что скрепляет общество и обеспечивает ему стабильность — экономическое благоденствие, духовность, национальная идея, нравственная высота?

Луков В. Вопрос: «Можно ли считать такое «скособоченное общество» стабильным или это предвестие распада, социального крушения?». Считают, что впервые употребил слово «стабильность» применительно к обществу Н.Макиавелли, адресуя к правителю требования обеспечивать единство государства и поддерживать его стабильность. Он полагал, что именно государство должно искать эффективные средства для достижения устойчивости общества. Это важнейшая часть политики государства, и здесь цель оправдывает средства. Однако современный политик подменяет эту первейшую обязанность — обеспечение гармонии в социальной организации — чем угодно, но только не этим принципом. Нынешний властитель может видеть свою миссию в экономическом подъеме страны, в повышении ее роли на международной арене, в обеспечении непрерывности власти, в создании новой элиты. Причем все эти партикулярные задачи не соотносятся с тем, что Макиавелли считал основной обязанностью политика. Главная сфера политической деятельности — выравнивание устойчивости и неустойчивости в общественном организме — остается, как правило, упущенной. Отсюда грандиозные провалы в судьбе многих политиков, в историческом измерении, в упущенных шансах.

Гуревич П. Мы, судя по всему, подходим к мысли, что традицию можно рассматривать как еще не до конца реализованный социальный проект. Возникает проблема: какое общество более стабильно — открытое (если пользоваться термином Карла Поппера) или традиционное? Отрыв от прошлого, от традиции все-таки начался, по-видимому, в эпоху Просвещения. Накопленный социальный опыт стал нередко оцениваться как органически захваченный иллюзиями, невежеством, предрассудками. Прогресс объявил тотальное противостояние традиции. Разумеется, в «науках о духе» много внимания уделялось кристаллизации духовного опыта. Однако именно Маркс назвал традиции мертвых кошмаром, который тяготеет над умами живых. В целом же традиция для просветителей была великим «Другим». Мы хозяева прошлого — таков был взгляд этой эпохи на традицию.

Буева Л. Однако после преодоления в XVIII веке кризиса в понимании традиции сформировалась определенная тенденция искать смыслы в историческом прошлом. Хейден Уайт рассматривал философию истории Гегеля не более чем попытку ухода от исторических сомнений и споров, оставшихся после Канта. Ницше решительно возражал против того, что социальное бытие становится действенным только в связи с появлением нового. Началось фактическое испытание прошлого. Политическая история стала оперировать символами, установками и ментальностями. Восстановились идеи вчувствования в историю, идентификации себя с людьми, которые жили в прошлом. Зазвучал вопрос: что создает смысл в истории? Возник интерес к тому, как люди в прошлом переживали свою «реальность». Актуальной стала

проблема трансляции смыслов.

Луков В. Интересна мысль о традиции как незаконченном социальном проекте. Думаю, незаконченном — в том смысле, что финал и не проектируется, а законченность проекта (без этого проектирование невозможно вести в реальном измерении) строится по другому основанию: она не в постановке последней точки на прямой линии, а в свертывании прямой в окружность, что делает проект цикличным, все время воспроизводимым и все время повторяемым. Как только круг разорван, возникает переход в неизвестность, неопределенность, а значит — в нестабильность. И это не только общетеоретическое рассуждение. Значение разрыва привычного круга для социальных взаимодействий и для социальной экологии показали почти сто лет назад ученые, составившие так называемую Чикагскую социологическую школу. Я имею в виду работы Р. Парка и его последователей (профессоров и студентов Чикагского университета), включившихся в решение сугубо земных задач по снижению социальной напряженности в отдельно взятом городе. Тогда-то «чикагцы» американец У. Томас и поляк Ф. Знанецкий в знаменитом исследовании «Польский крестьянин в Европе и Америке» показали, как из факта перемещения людей из одних социальных условий в другие вытекают перемены в их ценностных ориентациях, делающих возврат к освоенным ранее традиционным социальным практикам невозможным.

Буева Л. Именно представители данной школы стали изучать процессы социальной организации и дезорганизации, формы социальной организации, расовые и этнические отношения. Здесь социально-исторический фон оказался более углубленным, богатым. Более основательно изучению традиции содействовали работы Карла Манхейма, Арнольда Тойнби, Раймона Арона. Возник своеобразный феномен «эстетизации истории». Традиция превращается в исторический проект.

Гуревич П. Но не кажется ли вам, что приоритетность традиции в социальном устройстве была, по сути дела, сметена в XX веке различного рода вариантами модернизации экономического роста? Под традиционным обществом стали понимать наиболее архаичные этнокультурные образования, которые в основном изучались этнографами. И все же суть традиционных обществ связывалась с единообразием, неизменностью, интегрированностью и непрерывностью. Возникло стремление каким-то образом типологизировать эти социумы. И здесь не случайно возникает осторожное, а иногда опасливое отношение к проблемам модернизации. Сам термин «традиционное общество» стал утрачивать эвристичность, поскольку социальная и культурная организации многих традиционных систем отличались разнообразием. Заговорили о том, что традиция далеко не всегда мешает модернизации. Поставили под сомнение само противопоставление традиции и современности.

Буева Л. Однако в современном сознании все-таки преобладает идея о том, что традиция захватывает всю культуру и в этом смысле мешает развитию общества.

Луков В. Мне так не кажется. Наоборот, сегодня повсеместно ощущается своеобразное разочарование в прогрессе, в неумолимом натиске

новаций. Тема традиции врывается в социальную философию отовсюду. Расчеты глобализаторов на то, что архаические общества быстро и без сопротивления пройдут стадии осовременивания, не оправдываются. Многие культуры демонстрируют стойкость, которой как раз не хватает передовым отрядам цивилизаторов. Ядро многих культур обладает непроницаемостью, твердостью, что невольно возникает вопрос: может быть, западный мир пошел не по той магистрали? Здесь возникает немало парадоксального в сфере социокультурного бытия. Это можно увидеть во многих странах, у нас — тоже. Возрождение интереса к православию, появление из небытия дворянских собраний и всего того, что возвращается из царской России (включая даже формулу графа Уварова «самодержавие, православие, народность»), казалось бы, невозможно после советской эпохи. После четверти века погрома советских ценностей они уже не так отвергаемы, а в политике и в системе управления страной шаг за шагом восстанавливаемы. Все время звучит вопрос: кто мы? Поиск идентичности продолжается, и здесь традиция снова начинает обретать права на свой народ. И у нее, кроме привычных, — новая функция, а именно — «наш ответ Чемберлену» в условиях экономической, политической и культурной глобализации. Это способ самосохранения нации в меняющемся мире.

Буева Л. Некоторые социальные мыслители приходят к убеждению: без восстановления традиции мир ждет закат, смерть. «Как можно отделить народ от его корней?» — задается вопросом известный сегодня американский социолог Патрик Бьюкенен. Ответ его прост: уничтожьте память. Лишите людей знания о том, кто они такие и откуда они взялись.

Луков В. Эта мысль есть у многих российских деятелей культуры.

Буева Л. Вероятно, консервативный манифест Никиты Михалкова лежит в той же плоскости. Он — за восстановление исторической памяти, традиции. Один из персонажей романа Милана Кундеры «Книга смеха и забвения» говорит: «Первый шаг к ликвидации народа — это стирание памяти. Уничтожьте его книги, его культуру, его историю. Потом попросите кого-нибудь написать новые книги, сфабриковать новую культуру, изобрести новую историю. Вскоре народ начнет забывать, кто он и кем был?» Чтобы создать «новую нацию», модернизаторы создают новую историю.

Гуревич П. Не первый раз в истории политики вспоминают спасительную роль традиции в экстремальных ситуациях. Сталин напомнил о наших великих предках и героях в суровые годы войны. Афроцентризм возник, как реакция на прогрессистскую экспансию в виде попытки противопоставить африканскую культуру западной. Немецкий исследователь Л.Фробениус полагал, что восточным культурам присущи «пещерное чувство», неподвижность, идея судьбы; европейским культурам — «чувство дали», динамичность, идея личности и свободы.

Развившаяся на рубеже 50-60-х годов прошлого столетия концепция самобытности и самооценности африканцев раскрывала глубочайшие различия между европейцами и африканцами. Европейец живет разумом, африканец — чувством; европейец — логикой, африканец — ритмом; европейец — расчетом,

африканец — слиянием (растворением), европеец — потреблением («пожиранием»), африканец — сопереживанием (уподоблением), европеец — земным (заземленным), африканец — космическим (возвышенным); европеец — плотским, африканец — духовным.

Невозможно познать весь мир, охватить множество социальных и культурных форм в процессе их трансформации. Сегодня мы живем в мире информационной экспансии, рыночная стихия захватывает все секторы жизни человека, происходит глобализация сетей мгновенной связи.

Луков В. Одновременно социальные мыслители ставят вопрос о том, чтобы «порвать с развитием». Французский патриарх социологии Эдгар Морен в своей новой книге «К пропасти?» вообще предлагает освободиться от термина «развитие», пусть даже улучшенного в виде формулировки об устойчивом, обоснованном или гуманистическом развитии. Действительно, надо подумать над этой проблемой. Ведь термин «развитие» подразумевает, что технико-экономическое развитие как локомотив естественным образом вовлекает в свое движение самого человека. Морен отмечает, что «развитие» является типичным мифом западного социоцентризма. Он показывает, что западная идея прогресса, идея «развития» игнорирует то, что нельзя отразить в цифрах и что нельзя измерить, то есть то, что есть сама жизнь, что есть страдание, радость, любовь.

Гуревич П. Морен пытается придать понятию «развитие» антропологическую полноту.

Луков В. Все это, конечно, можно назвать спором о словах, но за ним есть и действительная опасность для стабильности общества. Я уже обозначал ее: человек, вооруженный идеей развития, приступил к переделке, усовершенствованию своей собственной биологической природы. Тут уже давно речь идет не о единичных экспериментах чудаков-энтузиастов, а о, так сказать, фабричной практике, которая в ближайшие лет пять-десять заявит о себе с самой неожиданной стороны. Некогда сформулированная Эдвардом Уилсоном концепция социобиологии была раскритикована в научном сообществе за биологизм, но к проблеме можно подойти и с другой стороны и увидеть тесную связь «совершенствования» биологической природы человека с современным состоянием и путями развития общества. При таком повороте темы это уже не социобиология, а биосоциология, над обоснованием которой мы начинаем сейчас работать в Московском гуманитарном университете. Само движение в сторону к «сверхчеловеку» означает нарастание в обществе неуверенности в способности человека обычного сохранить себя и мир в нынешних условиях — повсеместно кризисных.

Гуревич П. Слово «кризис», которое не сходит с обложек многих западных книг, как и выражает идею нестабильности, непрочности социального бытия. Деградация, хаос, катастрофа — вот реальные опасности, которые переживает современное общество. С другой стороны, возвращение к прошлому существует сегодня в тысячах форм регрессивных утопий. Первые большие национальные государства, как пишет тот же Эдгар Морен, сформировались в течение длительного исторического времени как результат миграций и

интеграции самых разнообразных этносов. Сегодня же мы видим упорное стремление моно-этносов к самоопределению на своей национальной основе.

Луков В. Вполне очевидно, что общество может скрепляться одним важнейшим для него фактором. Скажем, средневековые интегрировались духовностью, Новое время стремилось выстроить социум по меркам науки. Бердяев называет античную культуру вечным источником всякой культуры. Но он же задается вопросом, отчего пала Римская империя? Философ отвергает историческую версию, согласно которой она исчезла под ударами варваров. Бердяеву понятно, что были внутренние причины падения эллинской культуры. Ей не хватало духовной полноты. Он же пишет о том, что языческое искусство привязано к земной жизни. Оно никуда не зовет. В нем, по словам Бердяева, нет трансцендентной тоски, под ним и над ним не раскрывается бездна. Выходит, небо разомкнулось над христианским миром. Европейская культура испытала мощный трансцендентный зов.

Буева Л. Не только эллины, но и мы с вами переживаем исторические катаклизмы, которые настигают нас как будто внезапно. И оказывается, ни один пророк не предрек такую возможность резкого слома общественной жизни. Возьмем, к примеру, распад СССР. Мы до сих пор не осознали до конца, в чем причины этой, как отмечают наши политики, глубокой катастрофы. Американский социолог Иммануил Валлерстайн отмечает, что коллапс Советского Союза стал геополитическим бедствием для США и неизбежно приведет к упадку их могущества. Но он не склонен думать об этом событии как о геополитическом бедствии. По его мнению, смысл краха коммунизма — в окончательном крахе либерализма. Можно, разумеется, комментировать событие после того, как оно уже случилось. Но отчего рушатся политические режимы, почему на фоне кажущейся стабильности терпят невероятные разломы многие страны? Разве Эдуард Шеварднадзе, Юлия Тимошенко или Аскар Акаев не обещали своим подданным абсолютной устойчивости? Но для большинства активного населения подразумеваемых стран это обернулось сначала безнадёжностью, а затем и изгнанием политиков.

Луков В. В социальной философии мы находим множество версий, авторы которых пытаются найти главнейший фактор, обеспечивающий стабильность общества. Раньше других концепций возникло представление о том, что устойчивость общества определяется главным образом духовностью. Этот взгляд изложен еще в религиозных воззрениях на мир и общество. Наиболее развернутое выражение такая концепция получила в трудах Августина Блаженного. Он изобразил всемирную историю как реализацию заранее предуготовленного божественного замысла. Вектор развития — постепенное совершенствование и развитие града Божьего — царства божьих избранников.

Гуревич П. Русские религиозные философы тоже исходили из убеждения, что исторические судьбы народов уже определены божьей волей. Задача философа состоит в том, чтобы угадать этот жребий и следовать за ним, исправляя его «искажения» и «отступления».

Буева Л. Разумеется, такая позиция русских философов не предполагала

социальной индифферентности. С какой страстью они обсуждали пути развития страны, возможности ее обустройства! Дело в том, что Запад считал русский народ неожиданным, непредсказуемым. Он словно соткан из противоречий — неудержимый взрыв насилия и вера в богочеловечество, свобода и покорность, мессианство и ощущение убогой жизни — с точки зрения стабильности историческая судьба России несла угрозу. Бердяев писал о генетической нестабильности России и выражал ее через ряд понятий — неожиданность, беспокойство, неудержимость, величие и ничтожность.

Луков В. Вероятно, сложность проблемы состоит в том, что понятие стабильности можно выразить только через историческую нестабильность. Теория катастроф Жоржа Кювье, надо полагать, неприменима к обществу. Иначе человечество не выходило бы из зоны бедствий. Но в этом потоке революций, потрясений, катастроф рождаются периоды относительной стабильности, своеобразная проверка на прочность. С.Франк отмечал поэтому, что живое пульсирующее бытие одновременно есть и возможность того, что может быть, и того, чего быть не может.

Буева Л. Петр Чаадаев в «Философских письмах» утверждал, что нестабильность проще связать с негативным состоянием, увидеть в ней отрицательное своеобразие России, а упорядоченный рационализированный универсализм Запада принять за положительное, достойное подражанию начало. Но ведь и Запад сегодня переживает нестабильность.

Гуревич П. Оковы стабильности мучительны. Но люди боятся потери в жизни. Русский народ сегодня действительно показал, что революции и реформы лучше отвергнуть ради прочности обыденной, рутинной реальности. Бердяев говорил о том, что непредвиденное и неожиданное в нашей политике превращает нашу историю в фантастику и неправдоподобный роман.

Буева Л. У Франка есть такая мысль: «нестабильность является мощью бытия и играет в нем главную роль. Но может ли утешить фраза о том, что именно нестабильность выступает средством стабилизации ситуации? Так-то оно так. Но не очень хочется утешаться убеждением, что нестабильность — тоже благо. Важно понять механизм этой диалектики.

Луков В. Однако Камю все-таки поэтизировал нестабильность. Пожалуй, можно еще говорить и о других факторах, обеспечивающих стабильность общества. Многим социальным философам казалось, что источником стабильности являются не идеи, не духовный фактор в целом, а природные условия, которые сложились в том или ином районе мира. Так, французский просветитель Ш.Монтескье пришел к убеждению, что, прежде всего, климат определяет особенности того или иного общества и, в конечном счете, его устойчивость. Рассматривая географическую среду, он анализирует в основном климат и местность. Р.Арон, называя Монтескье первым социологом и связывая с ним появление географической школы в социологии, тем не менее, считал, что концептуальная разработка такого вида стабильности довольно бедна.

Гуревич П. Однако сегодня идеи Монтескье получают неожиданное

признание. Благополучие тех или иных стран напрямую связывают в наши дни с природными богатствами. Некоторые страны Ближнего Востока, например, Кувейт или Саудовская Аравия, считаются стабильными, поскольку они обладают огромными разведанными запасами нефти. Известно, что первые экономические успехи США во многом определялись обилием свободных земель, которые были использованы для сельского хозяйства.

Луков В. Но, во-первых, само богатство не является признаком стабильности. А, во-вторых, скажем, Япония не является исключительным владельцем природных ресурсов. Но, тем не менее, она превратилась в одну из богатейших стран мира, что обеспечило данной стране и относительную устойчивость в современном мире.

Буева Л. Но, кстати, сытая жизнь, богатство совсем не гарантируют стабильности. Известен парадокс Токвиля, который подтверждает, что в истории недовольство вспыхивает вовсе не тогда, когда народ бедствует, а, напротив, когда наступает относительное благополучие. Он показал, что экономическое процветание зачастую порождает разочарование, рождает чувство неуверенности и непрочности бытия. Вот тогда-то и наступает время революционных выступлений. Огромную роль в преобразовании мира играют социальные изменения. Революции, войны, реформы подчас радикально меняют мир. Люди нередко оказываются в ситуации, которую можно назвать «скачком времени». Пелопонесская война, например, была по современным стандартам небольшой стычкой. Когда Афины, Спарта и несколько близлежащих городов-государств сражались, население остальной части земного шара в большинстве своем не знало о войне и не было ею затронуто. Индейцы из племени запотеков в Мексике совершенно о ней не подозревали. Древние японцы не чувствовали ее влияния.

Гуревич П. Нельзя не заметить, что именно природный, географический фактор стал сегодня фактором, разрушающим социальную стабильность. Посмотрите, как все европейские страны неожиданно начали бороться за Антарктиду, за ее пока неизвестные ресурсы. Возник спрос на продовольствие, чистую воду. Многие страны с вожделием смотрят на озеро Байкал, невиданный резервуар пресной воды. Сегодня 90% ископаемых принадлежит государствам, на территории которых они залегают. Стремительное развитие получает мировая экономика. Сравнительно недавно в эту сферу вступило около 2 миллиардов людей. Не приходится спорить с тем фактом, что великие цивилизации рождались в бассейнах рек. Китайская цивилизация сложилась на берегах Хуанхэ и Янцзы. Индийская цивилизация не простиралась дальше бассейнов Тигра и Евфрата. Древний Египет возник на берегах Нила.

Луков В. Но в современных условиях географический фактор важен только потому, что подчинен экономике. Один из расхожих стереотипов современной социальной теории: стабильность утверждается там, где укоренилось экономическое процветание. Этому содействовало представление об экономике, как сугубо рациональном средстве социального благоустройства. Кризис, казалось бы, убедил человечество, что экономика ни в коей мере не может быть универсальным средством благополучия общества. Надо к этому

добавить, что мы сейчас говорим об обществе индустриального типа. В информационном обществе географический фактор будет рассматриваться совсем иначе, многие нынешние вызовы и риски отойдут на задний план, а на переднем окажутся совсем иные проблемы, и прежде всего те, что связаны с трансформацией природы человека (трансгуманизм и т. д.). Пока мы еще далеки от того, чтобы эту перспективу рассматривать как наступающую социальную реальность.

Бужева Л. Но я пыталась заговорить о так называемом революционном неврозе. Нельзя, видимо, пройти мимо таких исторических ситуаций, когда у народов нет другого выхода, кроме радикальной ломки угнетающего его строя. Так начинается обычно период насильственных переворотов. Так случилось и в Древнем Риме, и в мелких государствах, и в республиках Италии эпохи Возрождения, и в Англии, и в Нидерландах, и во Франции, и в нашей многострадальной России. Эту проблему авторы книги «Революционный невроз», выпущенной, по-моему, у нас в 1998 году, оценивают как некий психологический фантом.

Гуревич П. Увы, история ничему не научает, печально констатировал Гегель. Глобализирующийся мир снова делает ставку на конкуренцию и потребление. Россия ждет повышения цены на нефть.

Луков В. Не совсем так. Во многих странах сегодня идет отчаянный поиск новых моделей экономического развития, которые исключали бы дух нещадной конкуренции. Достаточно указать на популярность идей французского исследователя Марселя Мосса о дарении. Он показал, что в архаических племенах существовал феномен дарения, который отражал специфику обмена жизненными благами. Дарение не предполагает эквивалентности товарных отношений. Оно осуществляется по кругу и имеет огромный моральный смысл.

Гуревич П. Современная экономика с ее культом состязательности, разумеется, содействует динамике общества, но, по-моему, в этом смысл работы М. Мосса, не закрепляет его устойчивость. Экономика как специальная дисциплина всегда ориентировалась на человека рационального типа, способного руководствоваться здравым смыслом и пониманием собственной выгоды. Если в процессе обмена я вам предлагаю сапоги, а вы мне — свистульку, то операция не состоится. Именно поэтому в структуре экономического знания не рассматривался феномен иррационального человека, сложности и неисчерпаемости его психологического мира. Многие современные эксперты утверждают, что идея состязательности, как она сложилась в античном мире, затем подверглась порче, была извращена.

Бужева Л. Отличительная черта греческого быта — неудержимое стремление к любым состязаниям почти во всех сферах общественной жизни. Агон (-греч. борьба, состязание) — во многом определял дух этой культуры. Агони-стика, о которой так много пишут сегодня, — это попытка анализа борьбы, соревнования, соперничества. Состязание может быть самым разнообразным: в силе, ловкости, красоте, хитрости, богатстве, щедрости (так называемом «потлаче» — ритуальном празднестве с приношением даров у

американских индейцев), обладании, потреблении. Но в любой форме и любом виде оно наносит моральный урон. Состязание даже в искусстве, в спорте, в какой сфере оно бы не обнаруживалось, разводит участников в противоположные стороны, порождая победителя и побеждённого.

Гуревич П. Но в том и дело, что состязательность в античном мире была направлена на самоутверждение личности. Она вовсе не предполагала унижения побежденного, даже в случае гладиаторского боя. Иначе говоря, агонистика все-таки в ее изначальном варианте предполагала взаимную помощь ради утверждения победы. Речь шла об общем успехе, который предполагал и дух сотрудничества. Строго говоря, нечто близкое мы обнаруживаем и в современной японской культуре. Недопустимо, к примеру, унижение партнера, который проиграл в состязательности. Дух солидарности пронизывает экономическое соперничество.

Луков В. Однако уже в Новое время состязательность в экономической сфере стала преследовать иные цели — полное устранение соперника. Культ силы, в свою очередь, порождает принятие насилия как естественное явление. И оно становится нормой повсюду: и в семейных отношениях, и в детских учреждениях, и в сфере экономики, и в коммерции, и в сфере политики. Й.Хейзинга писал о том, что культ победителя, культ силы порождается цивилизацией, основанной на состязательности. Но что же получается? То, что когда-то обеспечивало мощную социальную динамику, сегодня нередко оказывается мощным фактором дестабилизации. «Пусть неудачник плачет». Отсюда укоренившееся в европейской культуре убеждение, что все слабое, нежизнестойкое должно исчезнуть. Право на существование имеет только победитель. Поэтому экономически несостоятельные народы должны, по сути дела, исчезнуть. Слабого (старика, женщину, инвалида, сироту) в этом мире трудно защитить. Но общественное сознание болезненно реагирует на ущемление малоэффективных слоев социума (пенсионеров, маргиналов, неимущих).

Гуревич П. С этой точки зрения, появление нового, более современного, имеет неоспоримые преимущества перед тем, что выпадает из конкурентного поля. Рационализм проявляется в том, чтобы немедленно заменить все устаревшее, изжившее себя на все, что отмечено флажком победителя. Новации — пароль нового мира. Разрушение оказывается в наши дни необходимой прерогативой созидания. При новой планировке города уничтожаются целые кварталы. Прокладывание новой трассы оправдывает вырубку леса. Мода выбрасывает в утиль вещи, которые еще могли бы приносить пользу.

Буева Л. Парадокс же состоит в том, что информационная революция, которая была призвана обеспечить более действенный механизм управления, сама же его и разрушила. Процессы управления начинают давать сбой, возникает угроза общественных катаклизмов. Такая ситуация в истории возникает не впервые. После изобретения книгопечатания возникли сложности освоения новых информационных пластов, которые вызвали к жизни злодейские религиозные войны. В результате Тридцатилетней войны, к

примеру, население Германии сократилось вчетверо.

Гуревич П. Итак, прежняя модель «экономического человека», действующего сугубо рациональным образом, ориентируясь на сухой подсчет соотношения издержек и прибылей, распадается на глазах. Меняется и отношение к культуре, которая прежде мыслилась в виде своеобразного архитектурного украшения, некоего необязательного дописка к общей экономической картине. Теперь же наиболее авторитетные специалисты анализируют культуру в качестве основы экономики, фундамента «хозяйствующего человека».

Луков В. Рассматривать духовные, ценностные, этические проблемы, оказывающие воздействие на экономику, как некие привходящие факторы, сегодня не представляется возможным. Приходится все чаще отвлекаться от образа рационального индивида как главного субъекта экономики, изначально располагающего значительным потенциалом предприимчивости и конкурентоспособности.

Гуревич П. Основные универсалии константы человеческой истории, такие, как общественный прогресс, вечность жизни, круговорот экосистем, утрачивают свое значение в современном нестабильном мире. Между тем обожествление экономики — сравнительно недавний феномен. Ведь на протяжении многих этапов человеческой истории экономика не играла решающей роли в судьбе человечества. Роль стабилизатора брали на себя религия, культура, философия, идеология, искусство.

Луков В. Многие социальные критики указывают на то, что скрепить общество можно только на путях торжества морали. Кант писал о том, что «истинная политика не должна делать ни шагу, не присягнув заранее морали». Аналогичной точки зрения придерживался и Ж.-Ж.Руссо, который утверждал, что тот, кто пытается отдельно рассматривать политику и мораль, никогда ничего не понимал ни в политике, ни в морали.

Гуревич П. Я хочу вернуться к мысли о том, что современная политическая практика во многом далека от тех установлений, которые казались незыблемыми для социальных мыслителей прошлых эпох. Т.Гоббс считал, что важным фактором сохранения стабильности может считаться идея самосохранения человечества. Но современный кризис можно назвать апокалипсическим. Мировая история показала, что человечество постоянно балансирует на грани собственного выживания, и мысль о разумном устранении разных катастрофических угроз не получает практического подкрепления.

Буева Л. Кант настаивает на идее общественного договора, но имеет в виду устранение тех политических режимов, которые не соответствуют идее правового государства. Он убежден в том, что на деспотическое поведение государства индивид может ответить отказом от граждански-добродетельного поведения. Разумеется, поведение граждан служит важным фактором, который свидетельствует о нестабильности общества. Сегодня кипит Греция, бунтует Франция, протестует Германия. Однако лидеры этих стран на самом деле не могут справиться с проблемами, которые возникают на путях экономического

процветания. Приходится урезать права граждан, уменьшать оплату труда, поднимать порог пенсионного возраста. Но разве митинги, разоряющие города, обеспечивают стабильность?

3. Оправдано ли стремление нынешней власти утвердить сохранение стабильности как главной задачи России или это приведёт к застою? Как обеспечить модернизационный рывок страны и не вызвать разлад в обществе?

Гуревич П. У меня в руках книга Эриха Соловьева «Категорический императив нравственности и права». Автор пишет: «Будучи противником народовластия, Кант подчеркивает, что в то же время единственной мерой, способной предотвратить конфликт, является такой образ правления, при котором глава верховной власти в каждом акте вел бы себя как проводник народной воли. Для того чтобы действия главы государства были строго-правовыми, он должен, иными словами, как бы рефлексировать волю народа в свою волю, суверенитет народа — в свои суверенные решения». Но современная власть в России менее всего озабочена тем, чтобы выразить волю народа. Наоборот, Государственная Дума нередко принимает решения, которые сулят выгоду только властителям, но при этом ущемляют права народа.

Луков В. В современной общественной мысли есть еще одна, связанная с возможной стабилизацией социальной жизни. По мнению американского социолога Э.Тоффлера, «мы вступаем в эру метаморфозы власти. Мы живем в момент, когда вся структура власти, скреплявшая мир, дезинтегрируется. Совершенно иная структура обретает форму. И это происходит на всех уровнях человеческого общества».

Буева Л. Речь идет, как я понимаю, о компьютерной демократии. Энтузиасты данного проекта убеждены в том, что компьютерная демократия уравнивает людей в большей степени, нежели любая социальная революция. Представительная демократия окажется ненужной. Оказывается, утверждают сторонники данной позиции, любой вопрос можно будет решить с помощью моментально проведенного референдума. Но, скорее всего, изменится принципиально сам способ управления обществом и государством. Правительства в том виде, который нам известен сегодня, не будет. Исчезнут министерства, ведомства, многочисленные сегодня бюрократические заповедники, все чиновничье сословие в целом. Они будут не нужны. Вероятнее всего, функции государственного управления возьмет на себя сложная, самообучающаяся компьютерная программа с подстраховкой группы специалистов.

Луков В. Этот энтузиазм завораживает. Вы, я думаю, излагаете идеологию «компьютерной демократии», как ее представил Институт прогнозирования (общественная организация). В самом деле, впечатляюще звучит: «Мощный компьютер в управляющем центре сможет одновременно вести диалог с сотней миллионов своих «подопечных». Кроме всего прочего, такое «виртуальное правительство» обязательно будет руководствоваться

принятыми законами и правилами, добиваться выполнения заранее намеченных целей. Вот по поводу этих целей, правил и законов может идти борьба политических партий общества Будущего. Партии смогут отстаивать различные методы и цели развития. Окончательное решение выскажут граждане на всеобщем референдуме с помощью компьютерного голосования. Разумеется, что в такой системе управления обществом станет невозможным обман, злоупотребления властью в целях личной наживы и многое другое из того, чем «больна» нынешняя система власти. Нет никакого сомнения в том, что такая компьютерная система управления будет тысячекратно более эффективной и дешевой по сравнению с нынешней». Впечатляюще, но и наивно и без всякого представления, что в этом направлении уже делается и какие проблемы при этом возникают.

Гуревич П. Мы видим, что многим философам мнится, будто можно указать на одну-единственную причину, которая цементирует общество и делает его стабильным. Сейчас мы осознаем, что устойчивость общества зависит от многих факторов. Пушкин, между прочим, признательно цитировал Рене Шатобриана: «Порядок общественный, вне порядка политического, составлен из религии, умственной деятельности и промышленности материальной. Во всяком народе во время величайших бедствий и важнейших событий священник молится, стихотворец поет, ученый мыслит, живописец, ваятель, зодчий творят и зиждут, ремесленник работает. Смотря только на них, вы видите мир настоящий, истинный, неподвижный, основание человечества, чуждый обществу политическому. Но священник в своей молитве, поэт, художник, ученый в своих творениях, ремесленник в своем труде открывают от времени до времени, в какую эпоху они живут, в них отзываются удары событий, от которых сильнее и обильнее текли их жалобы, их пот и дар вдохновения».

Луков В. Видимо, наш анализ окажется неполным, если не затронуть проблему социального хаоса. Традиционная социальная мысль, идущая от немецкой классики, имела в качестве объекта изучения относительно стабильное общество и изучала процесс разворачивания системы в целом. Но сегодня нам все чаще приходится иметь дело с такой ситуацией, когда одна социальная система уже разрушена, а другая еще не сложилась. Так возникает социальный хаос. Его видимыми очевидностями оказываются локализация социального пространства и распад социальной идентичности. Хаотические процессы вызваны резким возрастанием «напряжения цивилизации» (К.Поппер). Функционирование планетарных систем — коммуникативной, политической, транспортной, энергетической — рождает опасность распада целого, разрушения гармонии, хаоса.

Буева Л. По мнению Генона, чисто социальные трансформации никогда не могут привести к установлению истинной стабильности. Идеи «равенства» и «прогресса» неслучайно появились в XVIII веке. Они, по мнению данного эзотерика, оказались результатом «гипнотического внушения». Государство в его современном понимании есть не что иное, как простое представительство масс, не отражающее более никакого высшего принципа. Чтобы избежать

социального хаоса, Генон предлагает возродить интеллектуальную элиту. Однако как это возможно в современном мире? Как выпестовать интеллектуалов, если на представительство в этой стране претендуют дети олигархов, совершенно не связывающие интеллектуальность с высоким социальным призванием?

Луков В. Здесь мне кажется, мы имеем дело с еще одной оппозицией — «хаос» и «порядок». Дело в том, что классические работы видных социологов исходили из определенного образа социума. Деятельность институтов такого общества поддерживается простой логикой общественного развития. Кризисы в этом контексте связываются с дисфункциональностью, то есть нежеланием народа или определенной его части поддерживать сложившийся порядок. Социальный хаос — это граница в развитии общества. Вебер и Дюркгейм усматривали в хаосе свидетельства очевидного регресса. Социальный хаос является реальным, когда индивиды или крупные социальные группы отказываются действовать по принципу социальной солидарности. При этом позиции социологов разнятся. Дюркгейма тревожит культ индивидуализма, а Вебера — всеобщая рационализация общественной жизни.

Буева Л. С этой точки зрения, как это ни парадоксально, бюрократизация нашей действительности порождает социальный хаос. Скажем, российское Министерство образования стремится полностью регламентировать сам процесс обучения во всех его деталях. Градус порядка оказывается предельно высоким и приводит к хаотичности, к беспорядку. Многие социальные мыслители говорят сегодня о том, что надо отказаться от идеи управляемого мира. В социальной реальности всегда есть элемент неизвестности, непознанности.

Гуревич П. Многие традиционные общества, вставшие на путь модернизации, получают странный результат. Происходит распад общественных систем, разрушение культурных стандартов. И наоборот, согласно работам отечественных социологов, именно предрасположенность к социальному хаосу позволяет нашей стране добиваться модернизации и относительной стабильности. В печати часто приводят эпизод, который будто бы произошел с австрийским философом и социологом К.Поппером. Однажды, когда ему было 14 или 15 лет и шла война, он прогуливался по Вене возле памятника Гутенбергу. Подросток размышлял о мире и демократии. Но вдруг ему в голову пришла мысль о том, что демократию невозможно сделать стабильной. Российская власть уже много лет говорит о стабильности нашего общества. Но не означает ли это, что в стране не будет демократии? Последние события, связанные с выборами в Белоруссии, судебным процессом над Ходорковским и Лебедевым, показывают, что перед нами стоит выбор: «или-или», как писал С.Кьеркегор.

Луков В. Изобличение демократии имеет длительную историко-философскую традицию. А. Токвиль понимал под демократией уравнивание условий жизни. Демократическим он считал общество, в котором больше не существует различий между сословиями и классами, в котором все индивиды, составляющие коллектив, равны в социальном плане. Под свободой Токвиль

понимал отсутствие произвола.

Гуревич П. Любая демократия, по мнению Токвиля, неизбежно переходит в некий деспотизм, который рискует переродиться в деспотизм отдельного лица. Демократия постоянно чревата опасностью тирании большинства. Любой демократический строй утверждает: большинство право. А это означает, что в демократическом обществе будет преобладать пристрастие к равенству, оно возьмет верх над свободой. Материальное благополучие и равенство не могут, на самом деле, создать спокойное и удовлетворенное общество, поскольку каждый здесь сравнивает себя с другими и процветание никогда не гарантировано.

Луков В. Чистое народовластие, по мнению Бердяева, есть обоготворение человеческих желаний. «Народовластие как высший суверенный принцип не может гарантировать личности неотъемлемых прав, так как ставит судьбу людей в зависимость от субъективной, случайной, изменчивой воли людской «Демократия — такое же обоготворение воли людей, как и остальные формы государства.

Гуревич П. Вообще говоря, Бердяев справедливо критиковал индивидуализм. В 20-х годах прошлого столетия он пришел к убеждению, что демократия завершает свою историческую судьбу. «Демократия носит формальный характер, она не знает своего содержания, — писал он, — в пределах утверждаемого ею принципа не имеет никакого содержания. Демократия не хочет знать, во имя чего изъясняется воля народа, и не хочет подчинить волю народа никакой высшей цели». Народовластие, по мнению Бердяева, беспредметно, но не направлено ни на какой объект. Демократия, как он считал, остается равнодушной к добру и злу. Она носит секулярный характер. Демократия возникает, когда распадается органическое единство народной воли, когда атомизируется общество, когда гибнут народные верования, соединяющие народ в единое целое. По мнению Бердяева, кризис демократии давно уже начался.

Луков В. Может быть, демократия за эти десятилетия окончательно выработала свои резервы и мир вступает в принципиально новую полосу развития? Определенные резоны в такой постановке вопроса есть. Порой пишут: за годы существования демократии мы узнали, вычислили, определили, сколько человеку надо, чем его жизнь должна быть обеспечена, в каких условиях ему надлежит жить, чем пользоваться, как перемещаться относительно неподвижных предметов, как строить свои отношения с другими людьми, с государством. Все эти нормы, принципы и параметры давным-давно стандартизированы, кодифицированы и конституированы, многократно подтверждены международным опытом, воплощены в соответствующих хартиях, конвенциях, договорах, соглашениях.

Гуревич П. По этой логике можно, к примеру, сказать: зачем нужно отправлять правосудие, когда все нормы зафиксированы в Уголовно-процессуальном и Административном кодексах? Человечество действительно знает, как нужно жить. Оно действительно давным-давно расписало все вдоль и поперек по поводу желаемого. Но демократия, вопреки Аристотелю, Токвилю и

Бердяеву, оказалась живучей именно потому, что становится безмерно труднее примирить интересы все более и более поляризованного мира.

Луков В. Согласен. Демократия не узор на фасаде общественного здания, а форма правления. Никто никогда не рассматривал ее как венец творения, как божий дар на все времена. У любого апологета демократии можно отыскать немало стенаний по поводу того, сколь мучительны и дороги ее издержки. Но чем лучше другие формы правления?

Гуревич П. Один из отечественных политологов пишет: «Но теперь пришло время услуг и потребления, время стандартизованного, кодифицированного прагматизма. Именно ему, а не демократии, принадлежит будущее».

Луков В. Мы так отчетливо представляем себе эту сферу услуг и потреблений. Мы предлагаем Чечне оставаться в составе Российской Федерации, она нам в духе прагматизма — серию терактов. Мы оставляем социально необеспеченным слоям населения нищету и прозябание, они нам соответственно кодифицированное потребление. Мы, не растрчивая впустую силы и ресурсы, выбрасываем на рынок национальную идею, массы благодарно принимают ее через интернет - технологии.

Гуревич П. Демократия вошла в полосу умышленной фальсификации. Современная техника, силовые приемы решения, манипулятивные возможности все чаще рождают в политическом подсознании крамольную мысль: а не послать ли ее, демократию, к чертовой матери или, по крайней мере, не придать ли ей декоративный характер? Иногда мы ловим себя на смутном предположении: президентские выборы столь дорогостоящи, а итоги столь безутешны, что, может быть, было бы разумнее — назначить руководителя страны в узком круге политбюро.

Луков В. К. Поппер считал, что демократию невозможно сделать стабильной. Обратите внимание, что в любом современном обществе можно увидеть массу инфантильных людей, которые требуют повышения качества жизни, протестуют против ущемления их прав, но не помогают приращению социального богатства. Некоторые западные эксперты считают, что нужны новые формы общественного управления. Э.Тоффлер, в частности, пишет о том, что при любом общественном устройстве, будь оно демократическим или нет, необходимо определенное соответствие между способом создания людьми материальных благ и способом поддержания людьми их деятельности. Если политическая и экономическая системы не сходны между собой, они, в конечном счете, могут уничтожить друг друга. За время своего существования, говорит Тоффлер, человечество только дважды изобрело полностью новый способ создания богатства (он имеет в виду распространение земледелия и индустриальную революцию) и вслед за этим появлялись новые формы управления. Это важное наблюдение, но его следовало бы дополнить: становление информационного общества по этой логике не может не породить новых форм управления. И, думаю, с этим надо согласиться. Возникает, видимо, новая ситуация, в которой противоречия пока сохраняющихся форм правления могут быть преодолены или отойдут в тень. Возможно, это

относится и к дилемме «демократия-стабильность».

Гуревич П. Будучи президентом, В.Путин сказал, выступая на Всемирном конгрессе информационных агентств, что для России одинаково важны демократия и стабильность: «Уверен, нам удастся реализовать такую систему, при которой в России будет и демократия, и стабильность».

Буева Л. Когда знакомишься с рецептами выхода страны из кризисного состояния, то, оказывается, предлагаются разные решения. Чаще всего, разумеется, говорят о гражданском обществе и правосознании. Однако внимательное знакомство с концепциями, авторы которых призывают следовать закону, оставляет известное разочарование. Проблема власти и закона не так проста. Кто должен следовать закону, чью деятельность следует подчинить праву? Активность в сфере законотворчества может, к примеру, усилить власть государства. Но она же способна расширить права простых граждан. Так о чем речь? Возьмем, к примеру, инициативу нашего президента, представленные общественности стандарты по демократии. Когда речь идет о способности демократического государства защищать своих граждан со стороны преступных сообществ, то душа, как говорится, радуется. Особенно, если иметь в виду, что стандарты появились как раз незадолго до событий в Кушевской.

Луков В. Но эксперты уже обратили внимание на то, что защищать граждан от преступников — не способность, а обязанность государства (это по поводу предложенных президентом Медведевым пяти универсальных стандартов демократии). Потом, все ли наши законы соответствуют универсальным критериям государства нынешнего века? Защищать наш образ жизни и наши законы можно только в том случае, если мы убеждены в их целесообразности, оптимальности, выверенное временем.

Мне весь прошедший год приходилось наблюдать, как ведется продавливание проекта Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Такое впечатление, что закон этот нужен, прежде всего, для того, чтобы закрепить чиновничий произвол в этой сфере. Между тем — вспомним Платона — от того, как выстроены смыслы и способы воспитания (а это ведущее звено в образовательной системе), зависит и стабильность страны. Если не во всем, то во многом, и, таким образом, создание закона об образовании вовсе не только узкопрофессиональная задача юристов и управленцев в соответствующем министерстве. Из этого, впрочем, никак не следует, что обобщенная постановка президентом РФ вопроса о том, каким критериям должно соответствовать государство XXI века и какими могут быть универсальные стандарты демократии, непродуктивна. Напротив, конкретные законопроекты, особенно по жизненно важным для народа вопросам, не должны разрабатываться и приниматься без проверки их на соответствие небольшому числу основных требований, можно сказать, не только правового, но и мировоззренческого порядка. Если же подойти к делу иначе, то поневоле будут в новых решениях консервироваться сложившаяся политическая система и устоявшаяся практика принятия управленческих решений. Это, вероятно, и есть застой, против которого справедливо выступает президент.

Гуревич П. Мы тоже уже обратили внимание на стремление под видом укрепления правосознания слегка потеснить другую неотъемлемую сферу социальной жизни — моральную. В стандартах отмечается, что ценности и идеалы, которые мы имеем, должны иметь правовую рамку. Понятное дело, что если я исповедую ценность свободы, то желательно, чтобы закон был на моей стороне. Нет ничего скандального в том, что право способно ограничивать мое свободолобие, если оно имеет форму вольготного раздолья. Это, разумеется, сфера правосознания. Но при этом надо иметь в виду, что закон должен иметь директивную силу, а ценность — это личностно окрашенное отношение к миру. Есть еще одно отличие закона и идеала. Юридические правила надо соблюдать. Но это не означает, что за каждую правовую норму можно и жизнь отдать. А идеалы потому и считаются святынями, что они захватывают всю человеческую жизнь, определяют смысл пребывания на этой земле. Закон не предлагает человеку умереть за отчизну. Он может обязать индивида защищать свою страну. Но погибнуть в бою можно только ради святыни. Подвиги А.Матросова или Н.Гастелло свершились по зову сердца, а не по букве предписывающего закона.

Луков В. Мартин Хайдеггер писал о том, что ценность, по видимости, то есть по силе ее очевидности, предполагает, что люди, которые следуют этим идеалам, убеждены в неоспоримой значимости этих духовных абсолютов. Вероятно, про закон не всегда можно говорить в такой тональности. Право, дающее рабам стать свободными, обладает неоспоримой ценностью. Но в основе его лежит мощное устремление к свободе.

Гуревич П. Молодой Пушкин, говоря о вольности, непременно имел в виду и закон. Эти слова представляли у него в ореоле праведности: «где крепко с вольностью святой законов мощных сочетанье». Он же романтизирует цыганское племя, которое руководствуется святынями («мы не терзаем, не казним»). Дикость же своих персонажей (поэма «Цыганы») объясняет просто: «нет у нас закона». Эти люди не мстят Алеко. Они просто не хотят жить с убийцей. Но можно ли эту ценность заключить в «правовую рамку»? Для Пушкина свобода — это и самоограничение, и жертвенность, и благородство. «Как дай вам Бог, любимой быть другим» невозможно помыслить в сфере права. Это сугубо интимное переживание. Но частное проявление самоотверженной любви, не будучи директивным, способно облагородить нравы. Конечно, люди могут умереть и за власть. «Смело мы в бой пойдем за власть Советов» — пели в гражданскую войну. Но поставьте вместо «Советов» фамилию любого современного крупного политика, и возникнет, вероятно, комический эффект.

Буева Л. Наше общество пережило, возможно, еще не до конца, увлечение «белым движением». «Раздайте патроны, поручик Голицын». Но вряд ли «правовая рамка» может отвергать или приветствовать этот энтузиазм.

Луков В. В дворянском обществе честь ставилась выше жизни. Но была ли подведена под эту святыню правовая база? Артур Шопенгауэр считал, что дуэль — это глупость, предрассудок. Но дуэли ушли из социального обихода не потому, что противоречили закону. Кончилось время данной ценностной

установки, а значит, потерял смысл и социальный институт, неформальный, но для определенного круга совершенно принудительный, не меньше, чем писанный закон. Замечателен факт из истории США, когда Линкольн получил вызов на дуэль и, имея право выбрать оружие, сделал свое предложение: противники будут бросаться картошинами с расстояния 20 метров. Так утеря ценностного ядра подрывает смысл социального института в целом. Принципы демократии и содержание прав человека не могут бесконечно оставаться вне зоны критики, они — будучи ценностным основанием институтов государства и права — подлежат осмыслению на новых этапах мировой истории, а сейчас именно в такой этап человечество входит, обозначая новый тип общества как «информационное». Так что желание молодого президента, юриста по образованию, поставить на обсуждение общества собственные размышления о принципах демократии, о законе, безусловно, заслуживает поддержки.

Гуревич П. Не исключено, что в нашем общественном сознании продолжают жить прежние стереотипы: катапультировать социум в новое социальное пространство можно, если правильно выбрать некое важное звено. Однако общество не может обнаружить устойчивость, если факторы ее возможной динамики торчат в разные стороны, точно прутья в арматуре. Порой мы бросаем все силы на развитие экономики и удивляемся при этом, что в духовной сфере что-то оказалось ущербным. Сейчас модно говорить о правосознании как некоей «палочке-выручалочке». С законом связываем и появление гражданского общества. Однажды за таким же «круглым столом» мы условились, что стабильность социума покоится на трех китах — интересах, морали и правосознании. Но многие исследователи сетуют на то, что в российском обществе всегда игнорировали правосознание, а отдавали первенство нравственности.

Буева Л. Часто цитируют Б.Кистяковского, который писал в известном сборнике «Вехи»: «Русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания, последнее стоит на крайне низком уровне развития».

Луков В. Сегодня можно даже расширить круг правонарушителей, так сказать, прибавив к интеллигенции, о которой говорил Кистяковский, множество других социальных групп, из которых самой невероятной в этом контексте будут те, чьей профессией стала правоохранительная деятельность. Наши исследования среди студентов юрфаков показали, что в своей массе они больше склонны к правонарушениям, чем студенты других специальностей. И проблему нравственного императива в этом случае не стоит перекладывать на студентов, в обществе к таким нравственным перекосам ведут соответствующие интересы. И давайте перестанем противопоставлять закон и мораль. Спротивление правовому беспределу не обязательно должно сводиться к утеснению нравственности. И наоборот — укрепление правосознания не может осуществляться в ущерб морали. Допустим, молодые люди во Франции демонстрируют социальный инфантилизм. Они не признают

обязательств, не считаются с реальными возможностями государства. Они требуют комфорта на основании провозглашенных прав. Но насколько оправдан морально такой подход к жизни? Не является ли такая социальная недоразвитость результатом желания утвердить приоритетность закона при абсолютной нравственной слепоте?

Буева Л. Развитие современной демократии наша власть связывает с расширением сферы информативных технологий. С их помощью можно получить моментальное волеизъявление. Власть, предположим, неожиданно выясняет, что молодые люди не хотят служить в армии, протестуют против повышения оплаты за жилищные услуги. Конечно, с одной стороны, моментальное обнаружение массовых запросов может служить признаком демократии. Но ведь это формальная сторона дела. Недавно умерший американский фантаст Роберт Шекли, который талантливо показывал в своих книгах логическое следствие таких супермодных сторон общественной жизни. На одной из планет передовые технологии не только сигнализировали о новых мучительных проблемах социального бытия, но даже, сфокусировав до нужного предела массовое недовольство, разрывали в клочья политика. Но причем здесь мораль? Без нравственного критерия, связанного с развитием политических технологий, общество рискует дестабилизироваться и даже обрушиться.

Гуревич П. Последнее время в нашей стране то и дело обнаруживаются массовые умонастроения. Иногда они проявляют себя и в Интернете. Скажем, писатель Б.Акунин предлагает начать интернетное движение в защиту Ходорковского. Имел ли в виду наш президент, предлагающий стандарты демократии, такого рода эксцессы?

Буева Л. Пятый, по-моему, стандарт демократии, как он формулируется президентом, предполагает убежденность граждан в том, что они живут в демократическом государстве. Но причем здесь убежденность или уверенность? Эта формулировка предполагает все что угодно. С одной стороны, можно рассматривать это как приглашение, адресованное гражданам, к активному использованию демократических механизмов. Если я убежден, что я живу в демократической стране, я могу, как это сделала следователь в Куцевской, начать борьбу с бандитами. Но располагаю ли я при этом правовой обеспеченностью, гарантированностью, что получу неукоснительную поддержку? А может быть, речь идет просто о патриотической гордости. Демократии нет, но я убежден в том, что она есть. Юридический язык требует четкости.

Луков В. Читаю во многих исследованиях призывы к населению: «будьте гражданами». Легко некоторым нашим экспертам сетовать на русский народ: почему многие считают себя подданными государства, а не гражданами. Больше общественной смелости, теоретического азарта в разработке правосознания! Нет ли во всем этом философского высокомерия? Гражданственность и свобода высказываний — не одно и то же. Бесконечные ток-шоу по телевидению на политические темы и возможность задать президенту вопросы в режиме on-line легко обойдутся без гражданственности.

Западные образцы нам мешают увидеть гражданственность в наших людях, и не удивительно: эти образцы сразу даны как высказывание, они с самого начала отделены от реальности, более сложной и противоречивой не только у нас. Кроме того, не стоит забывать историю нашей страны, где «народ безмолвствует» — самая сильная форма проявления критичности общественного сознания. К тому же — разве мы не знаем, что сегодня выражать гражданскую позицию становится опасным? И, наконец, неужели мы не понимаем, что нет смысла подстегивать общественное сознание искусственными средствами?

Гуревич П. Кинорежиссер Андрей Кончаловский пишет в газете «Аргументы и факты»: «В России нет граждан, а значит, нет государства». Да, автор пишет об этом много лет.

Луков В. Это, конечно, очень неисторичный взгляд, который у глубоко образованного и широко мыслящего деятеля нашей культуры, во-первых, полемически заострен и, во-вторых, отшлифован под либеральную идею многими годами жизни в построенном на этой идее государстве. В том-то и дело, что государство, как порождение общества, обеспечивает его связанность и поддерживает порядок в нем, применяя универсальные механизмы к наличным условиям человеческого бытия и мышления. Условия эти могут не только не совпадать, но и восприниматься, как абсолютно неприемлемые тем или иным наблюдателям. И что же? Мы усомнимся, что и там есть государство?

Буева Л. Конечно, наш кинорежиссер прав, когда тоскует о более очевидных обнаружениях массовой гражданственности. Но почитайте современную прессу, зайдите в Интернет. Какой мощный призыв к солидарности, социальному единодушию! Общество не поддерживает чиновников-взяточников, оскотинившихся олигархов, детей высокопоставленных лиц, пытающихся уйти от ответственности за совершенные убийства, наезды, преступления. Общество с тревогой следит за мстительными актами властителей, за смехотворной борьбой с оппозицией, за попытками припудрить реальность, за наивными акциями политтехнологов.

Гуревич П. Обсуждение показало, что проблема стабильности общества имеет множество смыслов и аспектов. Интересно, что она не была долгие годы объектом разностороннего обсуждения. Может быть, именно поэтому мы несколько лет жили под гипнотическим воздействием идеологической формулы стабильности. Право на спокойную, устойчивую жизнь российский народ выстрадал революцией, войной, многочисленными реформами. «Оранжевые революции» не манят его своей мнимой справедливостью. Однако народ, судя по всему, не хочет, чтобы под видом нерушимости жизни его исключили из политического пространства. Он не мирится с тем, что при его попустительстве растаскивается общественное достояние, формируются преступные кланы, усиливается социальное расслоение, утрачивается буквально на глазах могущество страны. Либеральное сознание разочаровано в народе. Почему люди не демонстрируют нужную гражданскую позицию? Но действительно ли беда России в том, что многострадальное государство не

может опереться на своих граждан в решении каких-либо вопросов, касающихся строительства более совершенного общества? Мне, к примеру, не совсем понятно, где и когда наш народ не обнаружил гражданской зрелости? Во время Отечественной войны или в годы отстраивания развитого индустриального общества? А, может быть, в том, что люди не поддержали ГКЧП? Неужели в жизненной позиции населения, которое во всеоружии своей непонятливости обрушило демагогические посулы политиканов? Разве граждане России не выразили своего отношения к монетизации, ваучерной авантюре, беззастенчивой коррупции? Какие проекты государства, направленные на строительство более совершенного общества, провалились из-за гражданской незрелости населения?

Русские люди на своей судьбе знают ценность социальной справедливости. Они хорошо понимают никчемность идеологической риторики. Им известно, чем завершается мстительность в политике, ощущение вседозволенности, кумиротворчество. В любых исторических условиях они способны осознавать свое единство. Вспомним, что происходило в общественном сознании, когда после терактов в метро властители играли лицевыми мускулами, а люди несли цветы, оказывали помощь пострадавшим, демонстрировали поразительное чувство локтя. Сколько героизма и общественной озабоченности обнаружили люди, когда в стране бушевала огненная стихия! Разве это не проявление гражданственности? Сколько сдержанного негодования обнаружили люди в ответ на неизменное пропагандистское клише: «Пожарный огонь их дома истребил, я выстроил им новые жилища».

Стабильность всегда иллюзорна. Она может быть только временной, относительной, неполной и урезанной. За ее призрачностью всегда обнаруживаются признаки дестабилизации. Зрелость власти проявляется не в том, что она, по слову поэта, «лишь бабачит и тычет». В условиях неслыханных социальных перемен возмужалость власти проверяется способностью откликаться на многочисленные запросы времени. Общественный организм — это целостность. Социальные мыслители давно подметили, что разлад в системе начинается с внесистемности. Исторический случай, нечаянный эпизод, даже отдельный поступок вызывают целый каскад перемен. Властители убеждают нас в том, что все социальные вопросы находятся под контролем. Это дорогостоящая иллюзия. Экстравагантные наезды на оппозицию, вмешательство в правосудие, исчезновение сбережений у населения, утрата веры в счастливую участь нового поколения, циничное отношение к пенсионерам, малоимущим слоям населения, — все это реальные угрозы стабильности.

Сегодня люди России понимают, что власть должна иметь моральное основание. Ей надлежит быть легитимной. Демократия, которая вовсе не заботится о благосостоянии большинства, обречена по определению. Политический монополизм чреват непрозрачностью. Без перестройки политической структуры невозможна сегодня никакая стабилизация. Люди в наши дни убеждены в значении честной политической конкуренции и

прозрачных выборов. Угроза системе порождается самой системностью. Если власть перестанет вести трезвый учет надвигающихся опасностей, она обречена.